

УДК 811.161.1`37

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КАК СВОЙСТВО РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ

М. Н. Черкасова*Ростовский
государственный
университет
пути сообщения**e-mail:
chercasovamn-
rostov@rambler.ru*

В статье рассматривается такое свойство речевой агрессии, как амбивалентность (двойственность, биполярность). Автор рассматривает это явление на примере лексической единицы «агрессия» и речевых событий в рамках «речевой агрессии». Амбивалентность как свойство речевой агрессии может быть раскрыта на семантическом, метасемантическом и метаметасемантическом уровнях.

Ключевые слова: агрессия, речевая агрессия, амбивалентность, семантический уровень, метасемантический уровень, метаметасемантический уровень, конфликтогены.

Идеи Макиавелии о необходимости отступать от добра и пользоваться им по надобности, и при надобности же «не чураться» зла, активно воплощаются в процессе современного воздействия как на отдельную личность, так и на общество в целом. Одна из составляющих противодействия добра и зла, терпимости (толерантности) и нетерпимости (интолерантности) – агрессия.

Речевая агрессия – это целенаправленное на объект интенциональное авторское действие, заключенное в культурно-национальную специфику коммуникации и конструируемое определенным образом подобранными языковыми средствами (лексика, интонация, способ организации высказывания и т. д.). Цель этого действия – подчинение адресата, давление на него, стабилизация или коррекция ситуации в пользу адресанта с демонстрацией превосходства адресанта. Таким образом, речевую деятельность, состоящую из речевых актов, совершающихся в соответствии с принятыми в обществе принципами и правилами речевого поведения, можно проанализировать с точки зрения наличия или отсутствия элементов агрессии. Анализ современных медиатекстов демонстрирует различные способы формирования «агрессивного» компонента (*нападение, захват, насилие, жестокость, причинение ущерба, оскорбление, давление, изменение, коррекция ситуации* и т. д.) на страницах современной российской печати.

Публицистический текст диалогичен, но в нем, кроме автора и читателя, выделяется и объект/субъект описания, а отсюда и «полифоничность текста», содержание которого, по мнению М.Бахтина, исследователя художественного текста, имеет множество степеней свободы, т. к. «содержание слова о предмете никогда не совпадает с содержанием его для самого себя» [4, с. 235] и «слушающий, воспринимающий и понимая значение (языковое) речи, одновременно занимает по отношению к ней активную ответную позицию: соглашается или не соглашается с ней» [4, с. 259]. Таким образом, налицо проявление многогранности контрастного представления, не абсолютизирующее взаимоисключаемость при совмещении полярных сущностей. При интерпретации текста с агрессивным компонентом важно учитывать такое свойство речевой агрессии, как амбивалентность.

Термин «амбивалентность» был впервые предложен швейцарским психологом Э. Блейером и обозначает «сложное противоречивое состояние личности, двойственность ее переживаний, обычно принимающие характер внутреннего конфликта и выражающиеся в том, что одни и те же явления или объект (например образ кого-то) вызывают у человека одновременно противоположные чувства: удовольствие-неудовольствие, солидаризм-антагонизм, симпатию-антипатию, эталитаризм-иерархизм и т. п.» [11, с. 12]. Основной характеристикой амбивалентности можно считать двойственность, противоречивость, биполярность («позитивный-негативный, приятный-неприятный, любимый-ненавидимый» [9, с. 24]. Исходя из одного из пред-

ложенных Н. Г. Комлевым значений прилагательного «амбивалентный», считаем, что с точки зрения лингвистики, амбивалентное слово – это «слово, совмещающее в себе противоположные значения; неоднозначный» [9, с. 24].

На наш взгляд, категория неоднозначности, двойственности, биполярности, противоречивости, т.е. совокупность противоречащих друг другу свойств одновременно присутствует в понятиях «агрессия» и «речевая агрессия». Например, агрессия может быть «злокачественная» и «доброкачественная», агрессия может служить как **средством нападения**, так и **средством защиты** и т. д. Максим Трудолюбов в газете «Ведомости»¹ (15.08.08) в статье «наказание войной», на наш взгляд, достаточно убедительно обрисовал единство противоречивых свойств в одном понятии: *У любого конфликта есть две стороны – моральная и юридическая. Каждый из дерущихся стремится оправдать свои действия, доказывая моральное превосходство и юридическую правоту. Если по обоим направлениям доказательства выглядят убедительно, **насилие оказывается легитимным**. Попытки оправдать войны старь, как сами войны. Воспринимать аргументы в пользу войны трудно из-за изначального парадокса: **цель войны – мир**.*

В самом понятии «агрессия» уже заложен двойственный смысл. Анализ слова «агрессия» в русском медиадискурсе с точки зрения синхронии и диахронии [23] продемонстрировал следующее:

1) первоначальный лексикографический вариант слова включает дефиницию «вооруженное нападение государства с целью захвата его территории и насильственного подчинения» с пометой *политическое* [3; 9]: *Хроника **агрессии*** (о вооруженном конфликте в Южной Осетии в августе 2008 г.) (АиФ. № 3.2008); *Но, поскольку Исламская республика не горит желанием первой напасть на США, американцам требуется какой-нибудь пристойный повод для начала **агрессии***. (КП. 25.09.2007); *Президент Грузии Михаил Саакашвили вчера обвинил Россию в **агрессии**. Поводом послужил воскресный инцидент, когда над Абхазией был сбит грузинский беспилотный самолет – в Тбилиси считают, что это дело рук России*. (Б. 22.04.2008);

2) на протяжении XX – XXI вв. слово «агрессия» постоянно развивалось и изменялось, процесс «включения» в язык и «выживания» в русском языке продолжается. Таким образом, у самого слова «агрессия» в результате его ассимиляции развились новые лексико-семантические варианты, что подтверждается медиатекстами: *Но немецкие педагоги и психологи подняли шум: нужно что-то делать с его, как они считают, **агрессией!*** (КП. 26.01.2008); *- Ну и где машина? – с неприкрытой **агрессией** в голосе спросил глава семейства*. (КП. 17.05.2008); ***Агрессия**, хотя логичнее ее на начальном этапе назвать переизбытком энергии, вообще свойственна растущему организму. И если правильно ее направить, беды не будет. Энергичный, предприимчивый, умеющий постоять за себя человек кажется более дельным, чем невнятная личность с непостижимым характером. Спорт, круглосуточная занятость ребенка – опять же банальные рецепты «выпустить пар»*. (И. 15.07.2008).

Как следует из приведенных примеров, речь уже не идет о «вооруженном конфликте», «вооруженном нападении одного государства на другое с целью его подчинения». Значение слова «агрессия» во втором примере не совпадает со значением этого же слова в первом и третьем примерах. Сталкиваются значение термина из области психологии и педагогики (речь о специфическом поведении или действиях, направленных на нанесение какого-либо ущерба или вреда либо на уничтожение кого-либо или чего-либо) и общеупотребительное значение слова «агрессия» («жестокость», «угроза», «враждебность»). Причем пример из «Известий» демонстрирует отнюдь не негативные черты такого качества, как агрессия. В тексте «агрессия» = «переизбытку

¹ Далее примеры из текстов СМИ (газеты) обозначаются следующим образом: В. – «Ведомости», АиФ. – «Аргументы и факты», КП. – «Комсомольская правда», Б. – «Коммерсантъ», И. – «Известия», РГ. – «Российская газета», Т. – «Труд».

энергии», «энергичности», «предприимчивости», «умению постоять за себя». В этом случае речь идет о новом значении, причем с полярной устоявшемуся значению оценкой. Происходят изменения на шкале оценочности, так как трансформируется значение самого слова. Если в XIX в. слово «агрессия» имело отрицательную оценку, то в XX – XXI вв. приобретает положительную. В этом проявление многогранности «агрессии». С одной стороны, нападающий (агрессор) и жертва, по отношению к которой агрессор совершает агрессию, с другой – энергично сопротивляющаяся сторона, также проявляющая агрессию (решительные действия по отношению к агрессору) с целью заботы о себе и умеющая постоять за себя;

3) на основе семантического (лексикографическая презентация, включающая в себя этимологическую и парадигматическую характеристики), синтагматического (употребление в современных печатных текстах) и прагматического (характеристика коммуникативных ситуаций) анализа общеупотребительное слово «агрессия» в современном русском языке в результате семантической эволюции имеет следующие дефиниции: а) решительные внезапные, часто военные, действия, по захвату чужой территории; действия, цель которых подчинение или нанесение ущерба кому-либо, чему-либо; воздействие на кого или что-либо; б) *перен.* враждебность, открытая неприязнь; в) *перен.* решительные энергичные действия; инициативность; для обозначения динамики процесса.

Наши выводы о многослойности и противоречивости понятия «агрессия» подтверждаются исследованиями психолога Э. Фромма, который выделяет «доброкачественную агрессию» (с целью самообороны, ответная реакция на угрозу) и «злокачественную агрессию» или «специфическую человеческую страсть к абсолютному господству над другим живым существом и желание разрушать» [22], при этом речь идет о жестокости, деструктивности, разрушении. Таким образом, в понятии «агрессия» заключено два полярных смысла: а) «разрушать» и б) «противостоять разрушению», «защитить»: *Сегодняшняя агрессия США – задел на будущее. Своего рода забота о детях...* (КП. 16.04.2008). Происходит генерализация понятия «агрессия»: под агрессией понимается и «энергичность», и «инициативность», и «движение вперед», «и умение нападать» наряду с «умением защищаться». Толковый словарь английского языка ОАД [26, 18] приводит пример к слову aggressive (агрессивный), демонстрирующий один из лексико-семантических вариантов («не боящийся сопротивления»): *A man who goes from door to door selling things has to be aggressive if he wants to succeed – (перевод М.Н. Черкасовой: Человек, который ходит из дома в дом, продавая товар, должен быть агрессивным (напористым), если он хочет добиться успеха.)*. Речь уже не о враждебных действиях, а о поведении решительном, стремительном, наступательном. Причем коннотация «политическое», зафиксированная в БАС 50 становится неактуальной, о чем свидетельствуют многочисленные примеры употребления переносного значения слова «агрессивный» из медиадискурса – *Слушайте побольше американцев. Они, между прочим, меньше молятся, а больше ведут агрессивную минерально-сырьевую политику, подкрепленную военными действиями.* (КП. 20.11.2007); *Компания Perpod Richard обнародовала новую стратегию – она на время прекратит агрессивную скупку активов...* (В. 25.07.2008); *Наиболее агрессивная часть светового спектра – синий цвет, под воздействием которого происходят очень опасные процессы: образуются свободные радикалы, разрушительно действующие на все структуры глаза...* (АиФ. №48. 2007); *Компоненты выводят агрессивные радикалы, мобилизуют системы организма, защищают при сердечно-сосудистых, иммуно-эндокринных заболеваниях...* (АиФ. №5. 2008). *Большее половины ДТП происходит из-за человеческого фактора: агрессивной манеры вождения...* (РГ. 01.08.2009); *... новый игрок ведет достаточно агрессивную маркетинговую политику* (Ъ. 02.07.2009). *Война с амброзией в Ростове проиграна? Агрессивный сорняк не слушается приказов чиновников* (Т. 26.08.2008).

Мы можем говорить об уже сложившемся репертуаре значений современного прилагательного «агрессивный», причем речь идет даже о вариантах с противоположными оценочными характеристиками:

1) отрицательная окраска: *жестокий, враждебный; склонный к нападению; разрушительный;*

2) положительная окраска: *решительный, энергичный, инициативный, активный, умеющий принимать решения; энергично обороняющийся; защищающийся;*

3) нейтральная окраска: *жесткий, динамичный; воздействующий на что-то или кого-либо.*

Семантический анализ однокоренных русских слов с корнем «агресс» и английских с корнем «agress» [подробно: 23] демонстрирует отражение и подтверждение различных психологических школ, направлений, многослойность и биполярность феномена «агрессия»: «инстинкт жизни» и «инстинкт смерти» (по З. Фрейду [21]), «доброкачественная агрессия», (по Э. Фромму [22]), агрессия как один из механизмов защиты, оборонительная агрессия, инструментальная агрессия [22]. Сам Э. Фромм в «Анатомии человеческой деструктивности» писал, что термин «агрессия» многозначен и вызывает большую неразбериху, так как этим термином можно охарактеризовать как нападающего, так и защищающегося. В этой работе приводится этимология слова «агрессия» и отмечается, что «в буквальном смысле корень *aggredi* происходит от *adgredi* (*gradus* означает «шаг», а «*ad*» - «на»), т.е. получается что-то вроде «двигаться на», «наступать». *Adgredi* – это непреходный глагол, и поэтому он напрямую не соединяется с дополнением, нельзя сказать *to aggress somebody* – «нападать кого-либо». В первоначальном значении слова по Э. Фромму «быть агрессивным» означает нечто вроде «двигаться в направлении цели без промедления, без страха сомнения» [там же, 115] Словарь английского языка *NWD* [25] эту лексему дает как геологический термин со значением «поднимать градус или уровень речной долины». Причем, согласно *NWD* *aggrade* противоположно *degrade* (*to reduce from a higher to a lower rank or degree* - сокращать, уменьшать с более высокого до более низкого уровня или градуса – пер. М.Н.Черкасовой). Отметим, что слово «деградировать» в русском языке имеет ярко выраженную негативную окраску, в отличие от английского «*degrade*».

Таким образом, глубинный смысл у слова «агрессия», берущего начало в латинском языке заключался в решительном движении вперед (на градус, шаг, уровень), а при диагностировании феномена агрессии вообще и речевой агрессии в частности необходимо выявлять вектор движения на аксиологической шкале.

Психолого-лингвистическая трактовка явления речевой агрессии также содержит такие взаимоисключающие характеристики. Например, «прямая - не прямая агрессия», «активная - пассивная», «ингерентные формы проявления агрессии - адгерентные формы проявления агрессии». Н. С. Котова, исследующая амбивалентную языковую личность, указывает на необходимость учета многогранности контрастного представления, которое заключается в способности «не абсолютизировать взаимоисключаемость», акцентировании ярких контрастов при совмещении взаимоисключающих сем и разнообразных проявлениях системных ассоциативных отношений [10, 30]. Одно и то же слово, фраза, реплика, текст может быть воспринят по-разному в зависимости от интенции адресанта и способности воспринимать информацию адресатом: *Уборщица, услышав мой разговор с чиновником, поинтересовалась, откуда я родом. Выслушав ответ, покачала головой: - С виду приличный человек, а москаль... Бабушка сказала это чисто автоматически, без желания обидеть меня. Украинский чиновник смутился: «Извините. Иногда люди сами не понимают, отчего такие слова вырываются.»* (АиФ. №52. 2009).

В информационном пространстве достаточно активно обсуждалась ситуация с предложением заменить слова «мать» и «отец» на нейтральное «родитель»: *Так, депутата Совета Европы из Швейцарии Дорис Штамп вдруг осенило: а от слов «мать» и «отец» веет-то самым настоящим сексизмом. <...> Дама решительно*

потребовала, чтобы женщин больше не воспринимали как «пассивных и второсортных существ, сексуальных объектов» и немедленно исключили подпадающее, по мнению евродепутатши, слово «мать» хотя бы из деловой лексики.

Что самое поразительное – Совет Европы громкую затею поддержал, рекомендуя постепенно вывести из обращения эти «обидные» слова, а сами швейцарцы уже подыскивали им нейтральную замену – «один из родителей» (КП. 07.09.10).

Языковой знак может иметь различные маски и облики, как оскорбительные, агрессивные, так и добрые, нежные и ласковые: *Даже «зайки, рыбки, солнышки, мышки, кошечки, лютики», как он то и дело именуется участниц, чувствуют перебор и временами смотрят на него зверем.* (И. 22.02.08); *Оказалось, что треть нашего домашнего бюджета идет на различные «девушкины радости» (массаж, маникюр, косметика и так далее). О чем я с торжествующим взглядом и заявил своей ненаглядной... – Нет уж, дорогой, – и по ее каменному взгляду я понял, что покусился на святое. – На этом мы экономить не будем ни при каких условиях! Точка!* (КП. 11.02.10); *Не обошли вниманием и законную жену, распросив и ее об отношении к гражданской жене мужа, и та, конечно, не пожалела «добрых слов» в адрес соперницы.* (И. 25.01.08). Уменьшительно-ласкательная, положительная «упаковка» лексической единицы не соответствует одобрителю значению, напротив, речь может идти об иронии, сарказме, упреке, издевке, унижении, даже оскорблении. Стилистические нейтральные, не обладающие отрицательным семантическим зарядом слова, в определенной ситуации также могут восприниматься как обладающие агрессивным потенциалом (сарказм, ирония): *Для Виктора Зубкова Юлия Тимошенко нарядилась как невеста. Не помогло.* (И. 26.02.08); *Для меня было бы оскорбительным сравнение с Волочковой. Я – политик, а она – член. <...> Какой самый главный комплимент в свой адрес я слышала от мужчин? «Бл... в очках!» Я пришла домой и спрашиваю у мужа: Меня оскорбили или как?» – «О, Хакамада – это суперкомплимент!» – ответил он. И перевел: мол, интересная, много знаешь и гиперсексуальная!* (КП. 22.02.11).

Для иллюстрации амбивалентного свойства речевых форм с агрессивным потенциалом проанализируем пример: *Но тот же Медведев называет и очевидных противников перемен: коррумпированных чиновников и «предпринимателей, которые ничего не предпринимают». А разве это – не львиная часть правящей элиты? Как же действовать – «в обход элиты», что ли?* (РГ. 15.09.09). Для нашего исследования интерес представляют следующие единицы: *противники перемен; коррумпированные чиновники; предприниматели, которые ничего не предпринимают; элита.* Анализ этого ряда демонстрирует прозрачные парадигматические отношения (гиперо-гипонимические и синонимические): *противники перемен* (те, кто, по мнению Президента Медведева мешает созидательной работе): *чиновники* (коррумпированные), *предприниматели* (бездействующие), *элита.* Единица «чиновники» традиционно является объектом исследования в работах по речевой агрессии (Т.А. Воронцова, Н.И. Клушина) и рассматривается как «социумный объект речевой агрессии» [5]. Определения к этим словам лишь усиливают негативное восприятие. Отметим, что акцентуация агрессивного потенциала авторского текста создается и за счет включения в этот ряд слова «элита», имеющего значение «лучшие представители общества или какой-либо ее части» [16]. В качестве составляющих одного целого рассматриваются понятия с различными (полярными) аксиологическими ориентирами.

Исходя из определения речевой агрессии, интенционального авторского действия, направленного на подчинение, унижение адресата или изменение ситуации в свою пользу, можно говорить о речевом конфликте, необходимым условием которого являются так называемые конфликтогены, речевые формы с агрессивным потенциалом (слова, выражения, конструкции, которые способны оскорбить, унижить, обидеть, т.е. единицы, способные спровоцировать противостояние, ведущие к дисгармонизации речевой ситуации). Мы намеренно используем термин «конфликтогены», так как

само по себе наличие таких конфликтогенов может не являться достаточным условием для речевого конфликта, т.е. выражаясь образно, огонь есть, но самого пожара нет. Таким образом, сами тексты с конфликтогенами, входящими в понятийное поле речевой агрессии, рассматриваются как составляющие конфликтогенного дискурса, который сам по себе амбивалентен.

Из вышеизложенного нельзя делать так же и вывод, что категория амбивалентности полностью охватывает все понятие «агрессия». Ввод этого термина необходим для разрешения конфликта интерпретаций, который неизбежен при реализации и трактовки коммуникативного намерения участниками речевого акта.

Амбивалентность конфликтогенного потенциала характеризуется следующим:

1) наряду с языковыми экспликациями, в которых уже заключен конфликтный смысл (например, инвективная лексика, квалифицировать которую как оскорбительную в рамках конфликтного текста возможно только лишь опираясь на интенции автора), в тексте используются и различные импликации (аллюзия, подтекст, претекст, затекст, прецедентные феномены). По мнению О.Н. Матвеевой, конфликтный текст предстает как некий текстовый вариант, который объективно допускает некоторое число интерпретационных вариантов, по крайней мере два (вариант адресата и адресанта) [17];

2) само понятие «конфликтогенный потенциал» содержит такие компоненты семантического значения, как «возможность», «сила» от лат. *potentia*. Таким образом, речь идет о скрытой возможности, способности, силе, *могущей* проявляться при *известных условиях* [9, с. 283]. И речь уже о «презумпции усматривания» [1, с. 113].

Таким образом, описание механизма создания, реализации, функционирования и прогнозирования конфликтного потенциала публицистического текста не одноуровневое явление, и не явление только лингвистическое, так как код конфликта сталкивается с кодом не конфликта, и необходимо учитывать составляющие *логоса*, языковые средства, обладающие двумя планами выражения, и составляющие *пафоса*, определяющие намерение автора, цель текстового произведения, воздействующего на адресата.

При изучении амбивалентности конфликтогенного потенциала публицистического текста, как текста, имеющего идейно-образное содержание предлагаем использовать метод сплошного лингвостилистического анализа на трех уровнях: *семантическом, метасемантическом и метаметасемантическом*, разработанный на кафедре английского языкознания филологического факультета МГУ под руководством О. С. Ахмановой (подробнее: [7; 18]).

Анализ конфликтогенного потенциала текста на *семантическом уровне* опирается на лексикографические источники с пометами *неодобрительное, бранное, оскорбительное, сленг, жаргонное, вульгарное, табу*. Заметим, что такое обилие помет с характерными признаками дисгармонии общения характерно для ненормативных словарей [8; 12]. Классические толковые словари русского языка часто представляют потенциально конфликтные лексемы без помет.

В книге «Цена слова» [19] выделены определенные ряды слов литературного и разговорного языков, использование которых в отношении определенно крута лиц, прежде всего физических, как правило, является оскорбительными (*мошенник, жулик, проститутка; расист, предатель; палач, мясник* в переносном значении; *сви-нья, осел, корова* в качестве зоосемантических метафор; *негодяй, мерзавец* в качестве слов, содержащих негативную оценку поведения человека; эвфемизмы с негативно-оценочным характером; негативно-оценочные каламбуры (*дерьмократы*); нецензурные слова для характеристики лиц). В. К. Малькова [14] подчеркивает растущее количество агрессивно заряженных лексем, обладающих этнической окраской (лексемы обвинения: *азеры, кавказцы, цыгане, чучмеки, хачики*; лексемы-ярлыки (*бригада, бритоголовые, деды, лох, неграждане, отморозки*).

Как показывают перечисленные ряды слов, зафиксированные как оскорбительные, а, следовательно, несущие потенциал агрессии, реализация конфликтогенно-

сти возможна лишь в контексте, при определенных условиях. Таким образом, справедливо и утверждение Е.В. Медведевой об условности разграничения двух уровней анализа, *семантического и метасемантического*, так как они находятся в отношениях постоянной связи и взаимодействия. «Семантический уровень дает представление о языковых единицах, из которых состоит текст, но не о тексте в целом, однако метасемантическое дополнительное содержание единиц языка не может быть осмысленно без определения их семантики» [18, с. 177]. В качестве иллюстрации приведем примеры, характеризующие конфликтность педагогического дискурса и амбивалентность речевой формы.

Пример № 1: *Учительница обозвала ученика и ... пошла под суд. Её извинения родители школьника не приняли.*

В тот день на уроке русского языка в школе города Ленинска Волгоградской области проходили фразеологизмы. Учительница Вера Гудкова объясняла восьмому «Б» смысл выражения «ни рыба ни мясо»:

– Если говорить на ВАШЕМ языке, – это «лох», пояснила Вера Александровна. И на свою беду закрепила сравнение наглядным примером. – Ну как ... Максим Абросимов.

Класс (выражаясь современным языком) «вытал в осадок». ...

Филологическими изысканиями на тему «откуда есть пошли лохи на Руси» заняты и педагоги, и следствие.

– Я же не хотела Максима обидеть, – убеждает нас провинившаяся учительница. – Я назвала то слово, имея в виду недотепу, неграмотного человека...

Пока она по-прежнему ведет уроки в восьмом «Б». Ждет суда, который разберется в этом филолого-педагогическом споре – является ли слово «лох» оскорбительным и должна ли учительница отвечать за базар? Ну, выражаясь доступно (КП. 19.05.2006).

Пример № 2: *Кто положил школьника на рельсы?*

Дело о доведении учительницей до самоубийства восьмиклассника Ромы Лебедева передано в суд

Веру Новак ... обвинили в доведении ребенка до самоубийства, оскорблении и неисполнении обязанностей по воспитанию детей. ...

– Я не думала, что слова «хрюшки» и «поросятки» могут кого-то обидеть, – качает головой Вера Новак. – Эта игра началась очень давно – кто-то из детей прочел стишок, в котором были такие строчки: «Если даже не отвечу, а скажешь в потолок уставлю взор, то вы сразу не кричите и дневник не забирайте, а скажите с тихой лаской: ну и хрюша ты, дружок». Я это стихотворение даже своему ребенку на форзаце тетрадки написала. И когда дети плохо на уроках отвечали, я двойку в дневник не ставила, а говорила: «Ну и хрюша ты, дружок» (КП. 22.03.2006).

Анализ примера № 1 на *семантическом уровне* демонстрирует наличие потенциально конфликтного лексического элемента *лох*, слова-ярлыка, направленного на деструкцию речевой ситуации. Словарь [8] единицу «лох» дает с пометой *жарг.*: *простак, деревенщина; простофиля, разиня* и приводит устойчивые сочетания с этим словом: *выцепить лоха на катку* (вовлечь жертву в шулерскую игру); *обувать /обуть / постирать лоха* (обманывать/обмануть лоха).

Любое речевое сообщение может быть проанализировано в трёх направлениях: конкретно-фактологическом, содержательном и коммуникативном. Заметим, что при анализе потенциально конфликтных речевых форм важно учитывать не только значение слова, но и его смысл («привлечение субъективных аспектов значения соответственно данному моменту и ситуации» [13, с. 53], т. е. речь в этом случае идет об анализе на *метасемантическом уровне*).

Пример № 2 не так однозначен, как проанализированный ранее пример со словом «лох», так как сами единицы «хрюшки» и «поросятки» не являются ни жар-

гонными, ни словами-ярлыками. Ю. В. Щербинина предупреждает, что «не следует смешивать обидные, оскорбительные, агрессивные высказывания со внешне сходными по форме и смежными по ситуации употреблению высказываниями, встречающимися в детской речевой среде», так как «агрессивность высказывания определяется только контекстом речевой ситуации, реальными условиями общения» [24, с. 14]. Анализ на *метасемантическом уровне*, рассмотрение адгерентных коннотаций и стилистических приемов, позволяет говорить о детской языковой игре, а морфемный состав слов, с одной стороны, демонстрирует уменьшительно-ласкательное значение слов, а с, другой стороны, ситуативное употребление не позволяет говорить об агрессивном поведении учителя.

Третий уровень анализа конфликтного потенциала публицистического текста – *метаметасемантический* – направлен на выявление идейно-образного наполнения текста, то есть к совокупности образов. При этом необходимо учитывать прямые и переносные значения единиц, контекстуальные, индивидуально-авторские, ассоциативные. Мы согласны с мнением Е.В. Медведевой, что на этом этапе внимание должно быть уделено этосу, то есть условиям, в которых было создано сообщение, и пафосу как совокупности намерений адресанта и эмоциям, заложенным им в сообщение, с одной стороны, и способности адресата правильно интерпретировать полученный текст, соответствия его ожиданий замыслу адресанта, – с другой [18, с. 199]. В качестве иллюстрации приведем пример со статьей «Евгению Примакову завтра будет больше, чем сегодня», напечатанной в рубрике «Юбилей» в газете «Комсомольская правда» (28.10.1999). Анализ *метаметасемантического* содержания этого публицистического текста, как и лингвистический эксперимент, продемонстрировали экспликацию имплицитных конфликтных свойств текста. Подпись автора материала «Василий Благовест» уже символична. Никакого намека на конфликт нет, наоборот, мы видим совершенно противоположное явление. Набор лексических единиц, обрамляющих материал о Е. Примакове «юбилей» и «благовест» – единицы с положительными коннотациями (семантический уровень). «Юбилей» – это кроме годовщины какого-либо события или жизни, и «торжество, празднество по этому случаю» [16]. А первая часть слова «благовест» «благо» зафиксирована [15] со значением «хорошо», «добро» (благорасположенный, благомыслящий). Л. К. Граудина и Г. И. Кочеткова пишут, что в академическом «Словаре современного русского литературного языка» отмечено 119 сложных образований, связанных с церковнославянским по происхождению словом «благо», и «все эти слова и красивы, и звучны, и наделены положительным стилистическим зарядом», ведь «церковно-славянский язык никогда не воспринимался нашим народом как нечто чуждое, то есть то, от чего надо оттолкнуться, чему надо противостоять» [6, с. 472] Это подтверждается М. Фасмером, который приводит в словарной статье «благо, благой» такие примеры, как «благочестивый, благонравный, благородный» [20]. Таким образом, пресуппозитивные характеристики прозрачны. Проанализировав эти, как было указано выше, «обрамляющие лексические единицы» только с точки зрения их семантического состава, мы пришли к выводу, что для восприятия данного текста не только публицистического, но и политического дискурса, необходим коммуникативный принцип исследования.

Лингвистический эксперимент с этой статьей, проводимый в 1999 – 2006 гг. со студентами-журналистами продемонстрировал неожиданный, на первый взгляд, результат. Отрывок *«Евгений Примаков, человек с улыбкой харизматического дедушки, интеллектом академика и рассудком мудреца, нежданно-негаданно оказался исключением из исторических правил. Причём пришёл он тогда, когда его никто особо не ждал и на него не рассчитывал. Ну кто из оракулов-политологов называл фамилию Примакова в августе-сентябре 1998 года? Однако в патовой, почти в безвыходной ситуации, в которую тогда воцарились друг друга президент и Дума, нежданно-негаданно случилось явление Примакова, которое разрядило грозовые облака. И стало легче. Душную атмосферу наполнила озоновая чистота»* трактовался реци-

пиентами следующим образом: «очень пожилой человек, скорее старик, с маразматической улыбкой, который был как явление Христа народу, в результате чего наступила благодать». Умелое использование паронимической аттракции привело к созданию оппозиции *харизматический – маразматический*.

О кощунственных манипуляциях с понятиями «харизма» и «харизматический» пишет и И. В. Анненкова [2, с. 139 – 143]: «Морфологические и словообразовательные признаки слова «харизматики» демонстрируют не просто сниженность, а вульгаризацию его осмысления. (Как здесь не вспомнить маразматиков!) харизмой в современном языковом сознании могут обладать даже лошади...» [2, 141].

Заметим, что слова «харизматический», «харизма» в конце XX в. были известны немногим. В газете «Русский язык» (№44, ноябрь 1997) приведена цитата М. Захарова, который в 1994 г. в Известиях с иронией писал, что харизма, греческое слово, обозначающее божественный дар, исключительную одарённость, – «словечко для нас достаточно свежее, пока что не вошедшее в повседневную речь, еще не ставшее таким до боли родным, близким и любимым, как «консенсус». Восприятию образа «маразматического старца» также помогло как ближайшее лексическое окружение «дедушка», «мудрец», так и заголовок «Евгению Примакову завтра будет больше, чем сегодня». А наречие «нежданно-негаданно», употреблённое в таком коротком отрезке текста два раза (1) «нежданно-негаданно оказался исключением из исторических правил»; 2) «нежданно-негаданно случилось явление Примакова»), и фраза «Причём пришел он тогда, когда его никто особо не ждал и на него не рассчитывал» создают впечатление возникновения фигуры Е. Примакова на политическом Олимпе из ниоткуда, из небытия? Подтверждение нашей мысли – риторический вопрос «Ну кто из оракулов-политологов называл фамилию Примакова в августе-сентябре 1998 года?». 1998 год отнюдь не закат политической карьеры Евгения Примакова, как и год 2007. И фигура руководителя Службы внешней разведки страны не могла не быть в поле внимания журналистов и политологов. А цитируемое предложение, несмотря на знак вопроса, утверждает, что о Примакове никто не знал. Предложенный анализ отрывка из статьи к 70-летию Е. Примакова может служить иллюстрацией к высказыванию академика В.В.Виноградова, что «образ, запечатлённый в одном слове или в одном предложении, иногда определяет всю композицию литературного произведения, выступая как его художественный синтез или обобщающий символ».

Выводы:

1) категория амбивалентности (неоднозначности, двойственности, биполярности) или совокупности противоречащих друг другу свойств характерна для понятия «агрессия» и «речевая агрессия», что подтверждается синхронно-диахронным анализом компонентной структуры общеупотребительного слова «агрессия» и его дериватов и термина «агрессия» в рамках институционального дискурса;

2) гибкость семантической структуры слов с агрессивным потенциалом и актуализация одного из лексико-семантических вариантов конфликтогена в зависимости от социокультурного контекста открывают широкий простор для полифонических интерпретаций потенциально агрессивных текстов;

3) амбивалентность как свойство речевой агрессии представлена в особом типе взаимосвязи всех элементов речевой деятельности и может быть раскрыта на семантическом, метасемиотическом и метаметасемиотическом уровнях.

Список литературы

1. Анненкова И. В. Язык современных СМИ как система интерпретации в контексте русской культуры (попытка риторического осмысления) // Язык современной публицистики. М., 2005. – С. 99 – 114.
2. Анненкова И. В. Стратегия секуляризации в современном медиадискурсе // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2010. – № 5. – С. 135 – 149.
3. БАС 50 Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М-Л., 1950. – т.1.
4. Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб. 2002.

5. Воронцова Т. А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2006.
6. Граудина Л. К., Кочеткова Г.И. Русская риторика. М., 2001.
7. Задорнова В. Я. Восприятие и интерпретация художественного текста. – М., 1984.
8. Квеселевич Д. И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2005.
9. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М. 1999.
10. Котова Н. С. Представление амбивалентной языковой личности в лексической и грамматической подсистемах русского языка. Р н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ АПСН. 2008.
11. Крысько В. Г. Словарь-справочник по социальной психологии. СПб.: Питер. 2003.
12. Кудрявцев А. Ю., Куропаткин Г. Д. Англо-русский словарь сленга и ненормативной лексики. М. 2004
13. Лурья А. Р. Язык и сознание. М.. 1979.
14. Малькова В. К. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М.: РАН. 2002, – 348 с.
15. МАС 85 Словарь русского языка: в 4-х т. АН СССР, Ин-т рус. Яз.; под ред А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М.: РЯ, 1985 – 1988. – т.1. А-Й. 1985. – 690 с.
16. МАС 88 Словарь русского языка: в 4-х т. АН СССР, Ин-т рус. Яз.; под ред А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М.: РЯ, 1985 – 1988. – т.4.С-Я. 1988. – 800 с.
17. Матвеева О. Н. К вопросу о юридизации конфликтного текста // Юрислингвистика – 5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. АлтГУ. Барнаул. 2004.
18. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. М., 2003.
19. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в учебных процессах по защите чести и достоинства и деловой репутации / Под ред. М. В.Горбаневского. М. 2002.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Т.1 (А-Д). М. 1986.
21. Фрейд З. «Я» и «Оно». Тбилиси: Мерани, 1991.
22. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: 1994.
23. Черкасова М. Н. Семантические изменения в современном медиатексте (на примере слова «агрессия») //Медиаскоп. Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Выпуск – № 4. 2010.
24. Щербинина Ю. В. Русский язык: Речевая агрессия и пути её преодоления. М.: Флинта. 2004.
25. NWD. New Webster`s Dictionary of the English Language. India. Delhi. 1989.
26. OAD. A. S. Hornby. Oxford Advanced Learner`s Dictionary of Current English. М. – V.1. 1982.

AMBIVALENCY AS A PROPERTY OF VERBAL AGGRESSION

M. N. Cherkasova

*Rostov State
Transport University*

*e-mail:
chercasovam-
rostov@rambler.ru*

The article deals with such property of aggression as ambivalency (bipolarity). The author describes this phenomena on the examples of the word «агрессия» and “aggression” and verbal events in the contest of verbal aggression. Ambivalency as a property of verbal aggression may be discovered on semantic, metasemiotic and metametasemiotic levels.

Key words: aggression, verbal aggression, ambivalency; semantic, metasemiotic and metametasemiotic levels, conflictogens.